

Таким образом, можно сделать вывод: эффективным методом организации и проведения практических занятий в экономическом вузе является деловая игра, которая пробуждает познавательную активность студентов, содействует становлению самостоятельности мышления, формирует профессиональный менталитет, терминологическую культуру будущих специалистов, помогает отработке коммуникативной составляющей любой профессиональной сферы.

Литература

1. Андреева, Е.В. Принцип двуплановости в деловой игре как форме контекстного обучения: автореф. дис... канд. пед. наук / Е.В. Андреева. – М., – 1999. – 20 с.

2. Вербицкий, А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Метод. пособие / А.А. Вербицкий. – М. : Высшая школа, 1991. – 207 с.

3. Вербицкий, А.А. Развивают ли деловые игры: к проблеме классификации игровых процедур / А.А. Вербицкий // Проблемы психологии образования: Сб. статей. – Вып. 2. – М., – 1994.

4. Гальскова, Н.Д. Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя / Н.Д. Гальскова. – М.: АРКТИ Глосса, 2000. – 165 с.

<http://bseu.by>

*В.С. Хомик, Г.Б. Панфилова, И.Г. Батраченко
Университет таможенного дела и финансов (г. Днепр, Украина)*

КУЛЬТУРА И СУБЪЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ТВОРЕНИЯ ЗНАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ

Культура в эпистемологическом смысле – это склад системы знаний, средствами которой явно или скрыто упорядочиваются те способы, которыми индивиды в организованном сообществе бессознательно или сознательно согласовывают себя, свои взгляды с ним, идентифицируются с манерами адаптации к ее ментальным требованиям. Или, альтернативно, свободно и сознательно организуют свои знания, собственные точки зрения, авторские взгляды, владея эпистемологическими умениями творения знаний, чтобы собственным пониманием подниматься над зависимостью от собственной культуры или, идя впереди ее, творить, совершенствовать ее.

Одной из многих психологических теорий, которые имеют «монополию» или отношение к субъективной интерпретации, осознанию человеком культуры, является «теория конструктивного развития» Р. Кегана [4, 5]. На основании принципов конструктивизма и развития теории Жана Пиаже в ней находит свое выражение эпистемология, то есть наука о том, как человек знает мир, культуру и себя. В этой теории культура и личность имеют отношение к деятельности построения, конструирования смысла. «Не существует ни одного чувства, ни одного переживания, ни одной мысли, ни одного восприятия вне контекста творения смысла, в котором они становятся собственно чувством, переживанием, мыслью, перцепцией, поскольку мы все представляем собой контексты смыслотворения. Именно смыслы предоставляют переживаниям человека ту или иную форму» [4, с. 11]. Манеры, которыми обрабатываются собственные переживания, создают ту смысловую основу, на которой зиждется конструктивно-развивающая теория Р. Кегана. Иначе говоря, с этой точки зрения важно не то, что с индивидом случается, а тот способ, которым он занимает отношение к переживанию того, что с ним происходит, и как соответствующим образом оформляет конфигурацию целостности «я», поддерживая его внутреннюю связность. «Опыт переживаний – это не то, что случается с тобой, а то, что ты делаешь с тем, что случается с тобой», – указывал О. Хаксли [4, с. 11].

Особое аналитическое внимание в исследованиях получают два способа построения смысла переживаний или же стадии развития «я» личности – «Социализированная» (*Socialized*) и «Предоставление полномочий себе» (*Self-authoringmind*) [5]. Для личности необходимо формирование в себе эпистемологических способностей, чтобы стать тем, кем он может быть. Следующий выбор состоит в том, чтобы вырабатывать у себя те эпистемологические умения, которых требует цель изменения своей культуры, а создание, совершенствование ее стоит того, чтобы им учиться, и чтобы такая цель заслуживала бы привлечения к себе внимания сознания индивида, идеализации цели, того, чтобы этим будущим результатом быть захваченным, от которого и зависит возможность стать тем, кем он хочет быть. Развитию компетентности такого рода присуща эпистемологическая природа – манера понимания, истолкования культуры.

Человек осознает, интерпретирует культуру не такой, какой она есть объективно сама по себе, а как она берется им субъективно, то есть, прежде всего, каким человек является сам: как он понимает культуру мира в том отношении, какой собственной идиосинкразийной манерой он упорядочивает, наводит порядок, структурирует, организует свои собственные внутренние переживания в контексте культуры.

Социализированное «я» свойственно тогда, когда неосознанные имплицитные принципы культурной формы или традиционного культурного качественного состава организации, оформления переживаний «я» у индивида внутренне согласуются с экспектациями собственной культуры, когерентны с «грамматикой культуры» и неуклонно подсознательно идентифицируются с ее правилами, взглядами, точками зрения, мнениями, ожиданиями, психологическими воздействиями на себя представителями своей собственной культуры, подчиняются им. Таким образом, индивидом поддерживается внутренний уравнивающий баланс собственного «я» – «эволюционное перемирие» [5, с. 32] между данной бессознательной формой знания себя, кем индивид «есть», и сознательным содержанием переживаний «своего», иначе говоря, владением знания себя» [5, с. 32], что он имеет в распоряжении: в познавательном смысле он владеет постоянными категориями, которыми умеет классифицировать себя и других, и они являются объектом его смыслопостроения.

Эти два внутренние аспекты «я» имеют название «субъект-объектная связь» [5, с. 32], в котором структура и содержание находятся между собой в одной связанности. Они функционируют внутри Социализированной стадии развития «я», будучи одно с другим внутренне созвучными, согласованными с учетом закона творения знания, когда края границ индивидуального понимания личностью себя являются такими, что вне потока собственной культуры, вне смыслового пространства более-менее узких границ межличностных отношений личность шире их более ментально сложным способом себя бессознательно не ведает, не знает, иначе качественно его не интерпретирует, поэтому собственную действующую силу культуры и действующих межличностных отношений, их статус-кво, существующие здесь и сейчас, она имеет тенденцию сводить безоговорочно к «Абсолюту» [5] как что-то окончательное в собственном понимании, делать их

безотносительными. Она соответствующим образом может знать и действовать только в унисон с взглядами других людей, ожиданиями ее культуры, в которую ее «я» является вставленным, «вросшим корнями» и которой она сама собственно и «есть», но не осознавая этого. Образно говоря, ее голос часто не может одновременно должным образом мирно и параллельно звучать вместе с другими двумя или более мелодичными линиями в одной культуре контрапунктом, если эти голоса людей противоречивые, расходящиеся, отличные друг от друга, соотносясь между собой по принципу контраста, и самостоятельность каждого отдельно взятого голоса личностью тогда не обеспечивается. На Социализированной стадии развития такое «я» не в состоянии делать объектом осознания собственную культуру, межличностные отношения, то есть делать относительными, релятивизировать их, держать под контролем или ставить перед собой цели их изменять, качественно переиначивать, поскольку «я» всем своим существом является «встроенным» в эту культуру и межличностные отношения, вставленным внутрь их. Таково знание себя и люди ограничиваются им. Культура в их понимании должна класть для людей предел, край между тем, что они в состоянии делать и чего делать не в состоянии, освобождая этим пределом себя от бремени ответственности, которую этот край, граница иначе обзывали бы их брать на себя.

Эпистемологическая способность «Предоставления полномочий себе» вносить поправки в социальную среду, изменять ее, творить новый, ментально более сложный ее смысл и умение личности в идеальной плоскости «я» внутренне брать, держать культуру социальной среды, по отношению к которой умеет занимать позицию «внеаходимости» [1, с. 168], берет происхождение не извне, а изнутри себя личности как автора самой себя. Кроме того, она позволяет себе собственные предположения, допущения о культуре делать движимыми, «не стоять на одном месте», делать «психологию» [5] культуры подвижной, динамичной. Ведь человек является властителем прежде всего ума, знаний о себе, а в более зрелых вариантах эпистемологической развитости он является хозяином «внутренней администрации» [5, с. 227] внутри себя, господином над внутренним миром «я», который непрерывно работает и опережает знание свое собственной культуры, предотвращает вероятную опасность, идущую от нее себе. И ее драгоценные потребности

должны удовлетворяться, а свойства реальности почитаться в той культуре, которую человек в определенной степени в состоянии держать «собственными руками», иметь ее, вместо того, чтобы культура держала, владела или «имела» его самого. В таком случае собственные переживания, взгляды и чувства индивида уже не конструируются культурой, социальной средой, другими своими визави, но посредством того, что он может самостоятельно занимать ментальную дистанцию до точек зрения других, репрезентаторов культуры, не «сливаться», идентифицироваться или уподоблять себя с ними и сам собственной персоной является создателем, творцом собственных смыслов во взглядах, воззрениях, точках зрения на собственную и чужую культуру, собственной теории, видения, визии культуры в сознательном, даже мировом, смысловом контексте. Индивид является тем, кто умеет предоставлять себе полномочия на то, чтобы отваживаться осуществлять особое оригинальное, своеобразное «производство смыслов» и иметь мужество заниматься «производством правды» [2, с. 193] в культурах, что не является его «пределом понимания» и достоверно не может трактоваться окончательным для него знанием. Существует потребность в эволюциях смыслов переживаний «перешагиванием» пределов, разного рода пертурбациями, возникающими между личностью и культурой.

Если, в соответствии с максимой П. Струве, «в обществе не должно быть свободы больше, чем культуры», то не злоупотреблять свободой, избегать безответственности, которая ее сопровождает, очевидно, могут по-своему большинство граждан, в том числе эпистемологически умелые, способные личности, которые являются авторами самих себя, своих полномочий, а, следовательно, и своей культуры. Следует способствовать развитию творения знаний культур-в-контакте, чтобы делать более современным все то, что является демократическими идеями и осуществлением свободы личности на перекрестке модернистских культур.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

2. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко // Логос – 2008. – № 2 (65). – С. 159–262.

3. Foucault, M. Power/Knowledge / M. Foucault. – N.Y.: Pantheon Books, 1980. – 270 с.

4. Kegan, R. / R. Kegan. – Cambridge: Harvard University Press. – 1982. – 318 с.

5. Kegan R. In Over Our Heads / R.Kegan. – Cambridge: Harvard University Press. – 1997. – 396 с.

<http://bseu.by>

*Е.И. Лысяя
УО БГЭУ (г. Минск)*

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСКРИПЦИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ

Любой переводчик в процессе своей профессиональной деятельности сталкивается с необходимостью перевода личных имен, названий компаний, географических наименований, названий художественных текстов и т. д., а также сложных инокультурных реалий, не имеющих аналогов в других языках. Такие наименования могут передаваться при помощи транслитерации, транскрипции или калькирования, при этом транскрипция и транслитерация являются основными способами перевода. С расширением контактов Китая с другими странами и народами возникла необходимость в транскрипции китайских иероглифов. Для перевода ономастических наименований применяются практические транскрипции, которые, в отличие от фонетических, призваны передавать звуки иностранного языка при помощи исключительно средств передающего языка без использования каких-либо дополнительных знаков. По этой причине они отличаются меньшей точностью, по сравнению с фонетическими транскрипциями, и носят более условный характер.

На сегодняшний день универсальной латинской транскрипцией китайского языка является система ханьюй пиньинь (汉语拼音, «запись звуков китайского языка») или сокращенно пиньинь. В русском языке стандартом транскрипции с китайского языка выступает система Палладия, разработанная известным китаеведом Н.Я. Бичу-